

**МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

**РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН**

**Джизакский Государственный
педагогический институт
им А. Кадыри
факультет иностранных языков
кафедра русского языка и литературы**

РЕФЕРАТ

***на тему «Понятие о языковых знаках. Природа языкового
знака».***

Принял: к.ф.н., доц. Пирназаров У.П.

Выполнила: студентка 404-группы Култаева У.

**Тема «Понятие о языковых знаках. Природа
языкового знака».**

План:

1. Знак и сущность знаковой репрезентации.
2. Природа языкового знака и его онтологические свойства
3. Особенности словесного знака

ЗНАК И СУЩНОСТЬ ЗНАКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Знаковая репрезентация представляет собой специфическую, присущую только человеку как *homo sapiens* форму объективации реального мира, могучее средство его отражательной и коммуникативной деятельности. «Всякий идеологический продукт является не только частью действительности — природной и социальной — как физическое тело, орудие производства или продукт потребления, но, кроме того, в отличие от перечисленных явлений отражает и преломляет другую, вне его находящуюся, действительность. Все идеологическое обладает значением: оно представляет, изображает, замещает нечто вне его находящееся, т. е. является знаком. Где нет знака — там нет идеологии».

Понимание сущности знаковой репрезентации как «идеализации материального мира» находится в зависимости от того, 1) как решается вопрос о соотношении языка, мышления и объективного мира, 2) какая из четырех функций языка (функция обозначения, гносеологическая, коммуникативная, прагматическая) берется в качестве основной при определении языка вообще, знака — в особенности; 3) приравнивается ли языковой знак к знакам чисто конвенциональных семиотических систем, или он интерпретируется как специфически сложное явление, в корне отличающее сущность и системную организацию естественного языка как знаковой системы особого рода.

Основной онтологической чертой любого знака является функция представления, замещения им другого предмета. «Знак характеризуется прежде всего тем, что он является знаком чего-то». Наряду с предметной действительностью — вещами, явлениями, их отношениями, существует мир знаков — идеальная действительность, которая представляет собой отражение, своеобразное (часто с искажениями, преломлениями) обозначение первой.

Внутри самой области знаков, иногда называемой «поэтическим пространством» раздел «Язык в сопоставлении со знаковыми системами иных типов»), существуют глубокие различия. Как пишет В. Н. Волошинов, «сюда входят и художественный образ, и религиозный символ, и научная формула, и правовая форма и т. п.». Знаковая репрезентация может быть различной как по самой своей сущности, так и по форме.

Некий единичный материальный предмет может быть сигналом или симптомом, вызывать определенную физико-химическую реакцию, чисто физиологическое или умственное действие, как при световых, звуковых и прочих сигналах; нечто может быть символом, знаменем другого явления, предмета, вызывая по ассоциации определенное ощущение, представление, образ или понятие, как, например, в случае со знаменами, орденами, гербами и т. п.

Знаки естественных языков и построенных на их основе прочих семиотических систем, например, так называемые условные знаки языков

наук (химии, математики, логики и т. п.), будучи представителями, заместителями понятий, идей, воздействуют значением, которое закрепилось за ними в данной системе. «Знак есть материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), выступающий в процессе познания и общения в качестве представителя (заместителя) другого предмета (предметов) и используемый для получения, хранения, преобразования и передачи информации о нем». Сущность знаковой репрезентации состоит в «замещении и обобщении вещей».

К знакам в широком смысле слова могут быть отнесены признаки, сигналы, симптомы, условные знаки и собственно знаки (языковые знаки). Характерным для знаков-признаков (примет, показателей, индексов, симптомов) является то, что они служат познавательным целям, указывая на свойства предметов, причины процессов и т. п.

Основная функция этих знаков — познавательно-прагматическая. Для знаков-признаков характерны три основных момента: доступность, наблюдаемость самого знака, отсутствие непосредственной наблюдаемости того, на что он указывает, важность того, показателем чего признак является. Например, нас интересует не столько сам факт наличия какого-нибудь симптома болезни, сколько то, симптомом какой болезни он является; нас волнует не сам факт падения ртутного столба в термометре, а указание на то, что температура снизилась.

Знаки-признаки называются иногда «естественными знаками», так как их связь с теми предметами, явлениями, на которые они указывают, часто естественная, объективная.

Знаками другого типа являются сигналы, выполняющие коммуникативно-прагматическую функцию. Существенным и отличительным для этих сигналов является то, что материальные явления способны выполнять «функцию сигнализации в пределах организованных» систем (азбука Морзе, дорожные сигналы и т. п.). Сигналы, помимо того, что они несут информацию, сообщают о чем-то, всегда вызывают реакцию, посредством которой может осуществляться управление соответствующей сигнальной системой (ср. физиологические и кибернетические сигнальные системы).

Значением сигналов является несомая ими информация. Означающее и означаемое находится в одно-однозначном соответствии друг другу. Поэтому если знаки-признаки можно назвать субстанциональными знаками, то знаки-сигналы будут операциональными, так как ответная реакция на знак-сигнал, как правило, выступает в виде действия, операции или поведения. Сигналы в большей степени, чем знаки-признаки, обладают возможностью опосредования реальных ситуаций, конкретных действий.

Совершенно особое место занимают сигналы условно-рефлекторной деятельности у животных (первая сигнальная система) и словесные знаки — вторая сигнальная система у человека, развившаяся в результате общения

людей как средство отвлеченного, обобщенного отражения объективной действительности.

Не входя в обсуждение этого вопроса, следует отметить, что эти два различных типа сигнальных систем настолько кардинально отличаются друг от друга, что представляется едва ли правомерным называть языковые знаки — слова — сигналами сигналов. Хотя сигналы животных, а иногда и сигналы строго «организованных» систем, так называемых инстинктивных языков (*schemata*), тоже представляют собой опосредствованный способ регулирования и приспособления (а иногда и предварения) поведения животных, языковые знаки — в отличие от них — неразрывно связаны с человеческим мышлением. Образуя уникальную знаковую систему, способствующую отвлеченному, обобщающему отражению объективного мира, они служат формированию понятийного мышления.

«Языковые знаки — это условные раздражители, создаваемые обществом, обладающие системным характером, намеренно и сознательно употребляемые каждым членом социального коллектива, выполняющие не только сигнальную, но и сигнификативную функцию, являющуюся средством обобщенного концептуального отражения действительности и служащие целям коммуникации — сознательной передачи людьми информации друг другу».

По сравнению с сигналами животных, обладающими лишь свойством регулирования поведения, знаки человеческого языка обладают такой совокупностью функций, какой не обладает ни одна семиотическая система (ср. функцию обозначения, функцию обобщения и т. п., отмеченные выше).

Если языковые знаки, удовлетворяя всем этим функциям, связаны с процессами дифференциации и интеграции, присущими уровню понятийного мышления, с актами понимания и семантической интерпретации знаков в процессе общения, то знаки прочих семиотических коммуникативных систем выполняют в основном функцию идентификации и узнавания обозначаемых ими предметов или явлений.

Отличительной особенностью знаков естественных языков по сравнению со знаками прочих систем является не столько различие в выполняемых ими функциях, сколько факт взаимообусловленного сосуществования этих функций в пределах знака, что делает знаковую систему языка глобальной по значению, многоярусной по структуре, полифункциональной по целям. Так, функции общения и обобщения находятся во взаимозависимых связях друг с другом: общение между индивидуумами становится возможным лишь в том случае, если в языковых знаках и знаковых структурах выработаны всеобщие значимости, и наоборот — такие наиндивидуальные значения и средства их выражения выкристаллизовываются, откладываются в результате функционирования языка, в процессе его коммуникативного использования. Непосредственно связаны и находятся в определенной иерархической системе и другие функ-

ции языка: коммуникативная и прагматическая, репрезентативная и сигнификативная.

Понимание самого явления знаковой репрезентации, его моделирование, определение знака и его значения зависят от того, как интерпретируется знаковая система языка и какой аспект языка — динамический или статический, деятельностный или структурный — берется за основу. Интерпретация «знаковости» естественного языка зависит и от того, как определяется сам язык — как знание или как реальность, как суммативная система средств, выражения или как знаковая деятельность, регулирующая внутреннее (психическое) и внешнее поведение человека. Если в основе определения языка как знакового феномена лежат коммуникативная и прагматическая функции, наиболее полно раскрывающиеся в речевой деятельности, то знаковость предстает в виде знакового процесса, знаковых актов (*semiosis, acte semique*); если язык квалифицируется как «орудие формирования и средство функционирования специфически человеческой формы отражения действительности социально-психической, или сознательной формы отражения», то знаковость выступает в виде особой «знаковой деятельности», опредмеченной в языке. В том случае, когда язык рассматривается как некая данность, сумма средств выражения, обозначения и обобщения предметов и явлений объективного мира, то знаковость находит определение в виде системы субстанциональных знаков. Приведем наиболее типичные определения языка как знаковой системы.

I. Язык — система значимостей, основанных на противопоставлениях знаков, релевантных для говорящих на данном языке. Знак — двусторонняя психическая данность, отношение двух дифференциально определяемых ее сторон — означающего и означаемого; поэтому отличительные особенности знака сливаются с ним и исчерпывают его. Акцент при определении сущности знаковости естественного языка перенесен исключительно на структурно функциональную организацию языка как знаковой системы. Коммуникативная и прагматическая функции отодвинуты на задний план. Типичным представителем понимания языка как имманентной структуры является Ф. де Соссюр.

II. Язык — формально-логическое построение, строго разделенное на язык как систему и язык как процесс. Знак определяется функционально и представляет собой отношение двух функтивов — формы содержания и формы выражения. Внутренние структурные элементы не имеют однозначного соответствия плана выражения и плана содержания, квалифицируются как незнакомые элементы — фигуры плана содержания и фигуры плана выражения. Знаковыми языковые элементы являются лишь по своим целям, но не по сущности. Знаками являются элементы языка, стоящие в отношении обозначения к предметам, явлениям объективного мира.

Классическим примером такого понимания языка как знаковой системы является глоссематическая теория языка.

III. Язык рассматривается как система-языковых средств, находящихся в одно-однозначном соответствии с предметным рядом: знак понимается субстанционально, однопланово, сводится к форме знака (sign-expression). Классическим примером такого понимания семиотической системы языка могут служить формальнологические исчисления и метаязыки наук.

IV. В основу определения сущности языка кладется прагматическая (поведенческая) его функция; язык сведен к речевым актам. Знак определяется как односторонняя физическая данность, выступающая в качестве стимула и вызывающая ответную реакцию. Сущность знаковой репрезентации определяется исключительно в терминах знакового процесса, конституентами которого являются: знак, интерпретанта, интерпретатор; значение знака определяется как целенаправленное поведение (goal-seeking behaviour) и сводится к отношению говорящего и слушающего.

Постановка проблемы и выработка методов изучения естественного языка как семиотической системы особого рода характеризуется в наши дни общим стремлением создания лингвистической семиотики, при формировании основных понятий которой учитывались бы все функции, разные стороны языка, как его внутренние, так и внешние связи и отношения. «Определить знаковую систему, — отмечает Г. П. Щедровицкий, — значит задать всю ту совокупность отношений и связей внутри человеческой социальной деятельности, которые превращают ее, с одной стороны, в особую «организованность» внутри деятельности, а с другой стороны — в органическую целостность и особый организм внутри социального целого. Именно на этом пути мы впервые получаем возможность соединить развитые в лингвистике представления о речевой деятельности, речи и языке с семиотическими понятиями знака и знаковой системы». Рассмотрение языка как сложного структурного и полифункционального социального явления находит свое выражение в создании новых семиотических понятий, относящихся только к естественному языку: понятия номинативных и предикативных знаков, противопоставление знаков и незнаков, фигур, единиц второго и первого членения языка, разграничение субстанциональных и операциональных знаков, виртуальных и актуальных знаков, инвариантного и вариантного в языке.

Учет в языке не только линейных знаков, но и знаков глобальных выдвигает на повестку исследований проблемы так называемой дискретной лингвистики.

ПРИРОДА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА И ЕГО ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

Исходя из общей дефиниции знака как материального предмета, стоящего вместо другого предмета или явления, обычно делают два неправомерных вывода: 1) языковой знак — односторонняя сущность; 2) языковой знак — должен быть обязательно материален.

Общеизвестно, что означающее языкового знака (форма знака) существует в двух разновидностях: материальной (звуковая или буквенная) и идеальной. Материальное, в частности звуковой состав слов и высказываний, отражаясь, обретает форму идеального образа материальной формы знака. Как все идеальное является генетически вторичным по сравнению с материальным, так и звуковой или графический состав языковых знаков выступает первичным по отношению к его психическому образу, отображению. Существует точка зрения, согласно которой материальная форма знака необходима в процессе общения, а идеальная, т. е. умственный образ, необходима для внутренней речи и в процессе познания. Подобное разграничение сфер функционирования двух разных форм знака весьма относительно: в процессе общения материальная форма знака релевантна только для слушающего (воспринимающего) и ее акустическая идентификация происходит на основании уже имеющегося у слушающего умственного образа или представления данной материальной формы знака. Для чисто механических простейших семиотических систем, выполняющих функции сигналов, знак прежде всего должен выступать как некая материальная данность, в виде акустического или визуального сигнала. В языковых знаках, особенно словах, его материальная опора (звуковой состав или его чувственный образ) имеет своеобразный статус. С одной стороны, из-за теснейшей и неразрывной связи формы знака и его содержания, из-за автоматизированного характера словесных знаков они обретают такое свойство, которое именуется «прозрачностью для значения». Сущность этого свойства знака сводится к следующему: «... воспринимая словесные знаки в отличие от всех других действительных знаков, мы не воспринимаем их материальной формы как чего-то автономного, а как раз наоборот, форма эта сливается со значением так, что за исключением случаев нарушения нормального акта восприятия мы не обращаем внимания на материальную сторону словесного знака». С другой стороны, материальная опора слова является часто тем постоянным, неизменным в словесном знаке, что помогает ему оставаться тождественным самому себе в синхронном и диахронном аспектах.

Следовательно, для языковых знаков противопоставление материальной формы знака и ее чувственного образа как в процессе познания, так и в актах общения представляется нерелевантным, а затянувшийся спор о том, материален или идеален знак, почти беспредметен, ибо это лишь разные формы манифестации одной и той же сущности.

Второй характерной чертой любого знака вообще, а языкового в особенности, является его двусторонняя природа. Так, в системе регулирования уличного движения при помощи светофора (являющейся классическим примером наипростейшей семиотической системы), зеленый свет может быть рассмотрен как форма знака, которой соответствует в пределах этой системы определенное содержание, значимость 'проезд, движение разрешено'. Следовательно, даже при чисто условном, механическом соотнесении того, что выражается (обозначается), и того, при помощи чего выражается (обозначается), элементы данной семиотической системы выступают как двусторонние сущности, имеющие в ее пределах форму знака и его содержание, представляющее собой системную значимость.

Зеленый свет вне сигнальной системы не означает 'разрешение на перемещение, движение', точно так же, как любая корневая или суффиксальная морфема одного языка не имеет никакой значимости в системе другого. Если элемент не имеет никакой значимости в данной семиотической системе, он не знак данной системы, а простой физический звук. Билатеральный характер языкового знака представляет одну из его существеннейших черт. Заслуга Ф. де Соссюра заключается не только в том, что он обосновал принцип билатеральности языкового знака, но и в том, что он показал, что знак — продукт осознанной деятельности, закрепленный человеческим сознанием, психикой. Обе стороны знака — означающее (*signans*, *signifiant*) и означаемое (*signatum*, *signifié*) фиксируются в языке в виде абстракций, отображений того и другого, хранятся в сознании говорящих в виде значений (языковых понятий) и чувственных образов знаковой формы. Только единство двух сторон знака делает его средством, удовлетворяющим социальным Потребностям данной языковой общности людей.

Говоря о соотношении в языковом знаке означающего и означаемого, следует иметь в виду три разные по степени и характеру обобщения ступени становления знака. На первой ступени форма знака, последовательность фонем или букв, соотносится непосредственно с предметным рядом в объективной действительности. Только на этой ступени языковые знаки можно сравнить с обычным знаком, характеризующимся одно-однозначным соответствием означающего означаемому; на этой первой ступени абстракции, замещения предмета возможно реальное разделение означающего и означаемого. Связь между ними еще не опосредована человеческим сознанием, а характер обеих сторон приближает языковой знак на этой ступени к чисто механическим знакам; означающее и означаемое находятся в отношении обозначения. На второй ступени становления языкового знака мы имеем дело уже с психическими образованиями: отражение предмета, явления находит свое выражение в виде образа, представления или понятия на уровне сознания (психики) отдельного индивидуума. Здесь не только другая ступень абстракции, но и другая форма

соотносящихся сторон знака: означающее и означаемое — обе стороны знака — выступают в идеальной, а не в материальной форме, а это значит, что обе стороны являются уже психическими образованиями. Связь между ними становится обязательной, прочной, и ее расторжение ведет к исчезновению данного знака, т. е. к невыраженности в языковой форме данного содержания. На третьем этапе, на самой высшей ступени абстракции, эта связь означающего и означаемого должна быть принята и закреплена говорящим коллективом; означаемое становится всеобщим для данного коллектива, за данным понятийным содержанием закрепляется определенная знаковая форма, и языковой элемент обретает статус языкового знака, где связь означаемого и означающего становится неразрывной. За знаком закрепляется его значение.

Те, кто понимает языковой знак как одностороннюю материальную физическую данность, стоящую вместо другого предмета, явления, обвиняют Ф. де Соссюра в «дематериализации» знака, а следовательно — языка в целом. Общеизвестно, что Соссюр не отрицал субстанционального характера разных сторон знака, утверждая, что «... входящие в состав языка знаки суть не абстракции, но реальные объекты». Подчеркивая своеобразие и произвольный характер связи означающего и означаемого, он увидел в этом факте форму организации языковой системы. Поэтому критический анализ концепции Ф. де Соссюра может быть направлен не на то, что он увидел в знаке как материальное, так и идеальное и при помощи знака задался целью выявить специфические основы организации конкретных языков, а на то, что он идеалистически решает вопрос о соотношении объективной действительности, мышления и языка, отведя звукам роль «посредника между мышлением и языком».

Тезис Ф. де Соссюра о языковом знаке как двусторонней психической сущности нашел в последующем многочисленных сторонников; развитие этого тезиса шло в нескольких направлениях.

В глоссематической теории языка знак полностью «дематериализован» и сведен к функции (к взаимообусловленному отношению) формы выражения и формы содержания, к «невещной» данности, к факту отношения, установившемуся между этими двумя функциями.

Представители функционального понимания сущности языка определяют языковой знак как отношение звукового образа или отдельного звука к той функции, которую он выполняет в языке. Знак понимается настолько широко, что к категории знаков языка относятся в том числе и фонемы. Несколько иное понимание сущности языкового знака дают те ученые, которые рассматривают его как ассоциативную связь, отношение звучания (или его отображения) к определенному смыслу.

Многие исследователи, принимая точку зрения о билатеральной природе языкового знака, отстаивают субстанциональное его понимание и считают знаком (особенно словесным) исторически сложившееся и системно детерминированное единство звучания и значения.

Оспаривая тезис Ф. де Соссюра о билатеральной природе языкового знака, одни ученые сводят знак только к его форме как к средству выражения (sign-expression), другие — только к содержанию.

Так, В. Поржезинский собственно знаком («... знаком нашего мышления вместо представления... предмета или явления нашего опыта») считал содержание слова, а представление звуковой стороны слова — символом. К. Огден и Дж. Ричардс сводили знак также только к его содержательной стороне, называя знаком стимул извне или процесс, совершающийся внутри организма, вызванный символом.

Наконец, тезис о билатеральности языкового знака критикуется так, что одноплановость (nonduality) признается, но не в пользу формы знака и не в пользу его содержания. Представители Лондонской лингвистической школы отрицают принцип дуализма на том основании, что две стороны знака (выражение и содержание) настолько тесно взаимосвязаны, что невозможно в знаке усмотреть две стороны, две разных сущности в силу их полной идентичности и симметрии. «То, что мы имеем, представляет собой не две сущности (entity) — выражение (an expression) и содержание (content), а одну — знак (the sign)».

Следовательно, в простейших семиотических системах, представляющих собой чисто конвенциональные построения, знаки представляют собой некую физическую данность, материальный (визуальный или акустический сигнал) предмет, стоящий чисто условно вместо другого. При такой чисто механической и условной связи означающего и означаемого, при одно-однозначном их соответствии друг другу знаки этого типа допустимо считать односторонними, где форма знака может служить «знаком» чего-то. Различие между знаками механических систем и языковыми знаками заключается не в том, что первые односторонни, а вторые двусторонни, а в том, что они различны по характеру знакового содержания, а соответственно — и по знаковым функциям.

Одним из характерных свойств знака Ф. де Соссюр считал линейный характер означающего. Что же касается характера означаемого, содержания знака, то о нем у Соссюра и его последователей сказано очень мало. В связи с этим следует отметить, что специфика языкового знака заключается в его двойственности — в определенном противоречии, которое составляют линейный (дискретный) характер означающего и глобальный (недискретный) характер означаемого.

Если к содержанию языкового знака подходить не с точки зрения генезиса и гносеологического анализа, а в статическом плане, то различные ступени абстракции в означаемом знака сливаются воедино и делают содержание знака неоднородным и недискретным. Полнозначный словесный знак как номинативная единица языка может: 1) репрезентировать, обозначать предмет, быть обозначением последнего; 2) служить обозначением, наименованием целого класса предметов, указывая в

линейном ряду на один из них, иметь предметное (денотативное) значение; 3) выражать (называть) отличительные признаки, содержательное понятие о данном классе предметов — сигнификативное значение знака. Поэтому любой полнозначный словесный знак служит обозначением как единичного предмета, так и именем целого класса предметов, указывает на конкретный предмет и очерчивает круг подобных предметов, могущих быть названными данным словесным знаком; наконец, такой словесный знак выражает — иногда более, иногда менее полно — содержательную характеристику, понятие о данном классе предметов.

Одним из специфических и в этом смысле уникальных свойств человеческого языка как системы знаков является то, что более емкий по объему и многомерный по структурной организации план содержания не имеет одно-однозначного соответствия более простому по форме и меньшему по числу единиц плану выражения. Это давно известное в языке явление «непараллельности звучания и значения» находит в лингвистике различное наименование и разную интерпретацию: явление полисемии и омонимии, синкретизма, разделения языковых сущностей на знаки и незнакомы и т. п.

Антиномию неоднозначного соответствия двух планов языка Л. Ельмслев, например, снял в своей теории, выведя из числа языковых знаков те единицы содержания, которые не имеют «открытого» выражения посредством тех или других звуковых последовательностей (звуковых сочетаний), назвав их фигурами плана содержания. По Л. Ельмслеву, значение языкового элемента приравнивается к знаковой функции, а последней обладают лишь те знаки, которые однозначно соотносятся с внешними, экстралингвистическими факторами. Следовательно, как раз то, что составляет особенность языковых знаков — синкретизм форм выражения, полисемия словесных знаков, синонимия и омонимия языковых элементов — выведено в глоссематической теории за категорию знакового значения.

Неконгруэнтность (непараллельность) плана выражения и плана содержания предстанет еще более очевидной, если рассмотреть языковые знаки, особенно слова, в языке как системе и языке как речи.

В плане выражения процесс говорения, актуальной речи упорядочен временем, линейная последовательность фонем есть в то же самое время — временная их последовательность; в плане содержания временной фактор отсутствует. В системе языка, в отличие от речи, план выражения не имеет временной отнесенности, а план содержания (значения словарных единиц) носит коммулятивный характер, т. е. выступает в каждый исторический момент как результат предшествующего опыта, его нарастания, накопления.

Для языковых знаков, особенно морфем и слов, характерна линейная дискретность означающего, наряду со структурной глобальностью и временной непрерывностью означаемого. Так, например, в именной лексеме русского языка *дом* форма знака может быть линейно расчленена на три

компонента, на три фонемы (единицы второго членения, по А. Мартине, или фигуры плана выражения, по Л. Ельмслеву). Содержание же этого словесного знака складывается совершенно по-иному. План содержания данного знака, как любого другого полнозначного слова, неоднороден: в нем более общие, абстрактные семантические признаки, присущие классу знаков и закрепленные за так называемыми грамматическими морфемами противопоставляются более конкретным, менее абстрактным признакам, составляющим его лексическое значение. Так, в словесном знаке *дом* три семантических признака 'единственное число', 'мужской род', 'именительный падеж' выражены нулевой морфемой, т. е. значащим отсутствием какого бы то ни было элемента плана выражения. Эта совокупность категориальных признаков выражена дифференциально, не материально, а путем противопоставления остальным словоформам парадигмы и другим словесным знакам:

дом : стена : окно

дома

дому и т. д.

Помимо общих категориальных значимостей, у словесного знака *дом* (взятого в его виртуальной форме) есть собственное, ему одному присущее смысловое содержание, которое также является немонолитным: оно складывается из целого ряда исторически напластовавшихся семантических признаков, которые составляют определенную структуру в пределах этого знака.

Словесный знак *дом* функционирует в следующих значениях:

дом₁ — 'строение', 'здание';

дом₂ — 'жилище', 'место жительства человека';

дом₃ — 'семья';

дом₄ — 'жильцы, населяющие дом';

дом₅ — 'домашний очаг', 'родное жилище'.

Если фонемы способны проводить различие между отдельными словесными знаками, например, *дом*, *дым*, *дам*, *дум* и т. п., то внутрисловное разграничение смыслового содержания проводится совершенно другими средствами языка.

Та или другая последовательность фонем является необходимым, но недостаточным для семантического развертывания общего, виртуального знака *дом*. Разграничение проводится путем парадигматической его противопоставленности (по сходству или различию содержания) другим словесным знакам или путем синтагматического контраста в линейном ряду, при их сочетаемости, а чаще и тем, и другим, взятыми вместе. Сравните:

дом ремонтируется ('здание'), *содержать дом* в чистоте ('жилище');
друзья дома, *хозяин дома* ('семья'), *обрести дом*, *потерять дом* ('родное жилище'), *весь дом* заговорил ('жильцы дома').

Сравните различные означаемые, соотносимые в русском языке, с одним и тем же графическим элементом означающего в предложении: *Огромная стена дома была разрушена с самого начала войны, а кое-где сохранившиеся окна и по сей день смотрят на вас своими пустыми, черными глазами.*

Из 18 случаев употребления в приведенном выше предложении означающее — графема **а** в восьми (отдельно или в комбинации) служит средством выражения категориальных признаков слов, относящихся к разным частям речи: родовые, числовые, падежные различия у именных лексем, признаки лица, наклонения, времена и т. п. в глагольных. В девяти случаях **а** несет только смысловоразличительную функцию в составе словесных знаков, дифференцируя их. В одном случае **а** выступает как самостоятельный знак, выполняющий функцию обозначения противительной связи в русском языке.

На уровне словесных знаков историческая непрерывность, глобальность означаемого находит свое выражение в явлениях полисемии, лексической и лексико-грамматической омонимии. Наличие в содержании слова признаков разной степени обобщенности (грамматических, присущих целым классам и категориям слов, лексических, являющихся принадлежностью единичных словесных знаков), линейность означающего и глобальность, симультанность означаемого создают специфическое свойство непараллельности двух сторон языка, свойство, присущее только естественному языку (о понятии симультанности элементов означаемого см. в разделе «Специфика языкового знака»).

В отличие от знаков чисто условных систем, где одному означающему, как правило, соответствует одно означаемое, две стороны знаков естественного языка соотносятся друг с другом совершенно по иной пропорции: «одно: несколько» (одно означающее : несколько означаемых) или «несколько : одно» (несколько означающих: одно означаемое). Последствия подобных отношений между означающим и означаемым языкового знака огромны и находят свое выражение в так называемых недискретных фактах языка: в полисемии и омонимии (одно означающее — несколько означаемых), в синонимии и полилексии (одно означаемое — несколько означающих), в наличии в системе языка синкретических и дублетных форм знаков. Дифференциальный характер обеих сторон знака создает почти неограниченные возможности варьирования не только означаемого, но и означающего знака. Определенная автономия двух сторон языкового знака позволяет обозначающему обладать иными функциями, нежели его собственная, а обозначаемому быть выраженным иными средствами, нежели его собственная форма знака. Это свойство непараллельности двух сторон знака было сформулировано С. Карцевским в виде принципа «асимметричного дуализма языкового знака».

Своеобразие в соотношении двух сторон знака заключается не столько в отсутствии одно-однозначного, постоянного соответствия означаемого

означающему, сколько в факте неконгруэнтной членимости на элементы означающего и означаемого. Каждая из сторон языкового знака имеет свои принципы членимости и свои формы структурной организации, что в свою очередь порождает определенную автономию как означаемого, так и означающего. Эта особенность языковых знаков была определена А. Мартине как принцип двойного членения языковых элементов.

Поэтому едва ли правомерно выделять, как это сделал Ф. де Соссюр, в качестве одного из основных принципов внутри-структурной организации языкового знака — линейный характер означающего, не отметив другие принципы, в большей степени определяющие системную организацию языка: глобальный, недискретный характер означаемого, дифференциальную природу обеих сторон языкового знака, асимметрию и историческую непрерывность знака, различие в структурной организации элементов, составляющих означающее и означаемое, произвольность знака.

Произвольность составляет необходимое условие реализации семиотического процесса. Этой черте языковых знаков Ф. де Соссюр придал большое значение и возвел ее в основной семиотический принцип. Ф. де Соссюр различал два вида произвольности знака — абсолютную и относительную. Однако некоторая непоследовательность и нечеткость в определениях вызвали критику взглядов Соссюра. Дискуссия о произвольности языкового знака оказалась длительной по времени, но малопродуктивной по результатам. Причину этого можно отчасти усмотреть в том, что под термин «произвольность» подводились различные понятия: «условность», «немотивированность», «стихийность», «необлигаторность» и др.

Под произвольностью языкового знака прежде всего понимается произвольная, немотивированная природой вещей связь означающего и означаемого. Ф. де Соссюр называл этот вид произвольности — абсолютной. Аргументом в пользу произвольного характера связи двух сторон языкового знака служит то, что одна и та же вещь или понятие о ней обозначается в каждом отдельном языке произвольно, различно. Например, русск. *бык* соответствует англ. *bull*, нем. *Ochs*, фр. *bœuf*. Наличие в каждом языке звукоподражательных слов, где как будто бы имеется некоторая мотивированность связи означаемого с означающим, дало повод оспаривать принцип произвольности языкового знака. Однако факт наличия в языках подобного рода слов несколько не отменяет этого основного принципа по двум причинам: во-первых, звукоподражательных слов в словарном составе каждого языка ничтожно мало, во-вторых, даже в словесных знаках этого типа связь означающего с означаемым произвольна. Так, один и тот же звук обозначается в русск. *хлопать* (дверью), в англ. — *to bang*. и т. п.

Ф. де Соссюра критиковали за его «непоследовательность» в обосновании принципа произвольной связи означаемого и означающего: определив знак, отношение двух сторон как форму организации конкретного

языка, Соссюр прибегает к экстралингвистическим факторам — к субстанции, к «обозначаемому предмету», изменяя тем самым основному положению своей теории — понятию знака не как субстанции, а как «формы организации языка».

Под относительной произвольностью языкового знака Ф. де Соссюр понимал также частичную мотивированность при образовании словесных знаков, те ограничения, которые накладывает на них словообразовательная система, мотивированность сложных и производных слов. Соссюр выделял так называемые «лексикологические» языки, в которых мотивированность слов минимальна, и «грамматические» языки, где мотивированность максимальна.

Системная обусловленность языковых знаков была отнесена Ф. де Соссюром к типу относительной произвольности. По этой причине он сводил задачу лингвистики к изучению языка «с точки зрения ограничения произвольности».

Наличие в том или другом языке определенной системы грамматических классов и категорий слов, парадигматических группировок и синтагматических рядов, различных типов морфологических и семантических структур словесных знаков и т.п.— есть способ ограничения произвольности знаков, фактор, упорядочивающий их функционирование. Следовательно, принцип полной произвольности через разные ступени частичной мотивированности превращается в облигаторный для каждого языка принцип системной обусловленности языковых знаков.

Знак в процессе функционирования подвергается определенному воздействию со стороны социальных и — шире — экстралингвистических факторов. Под влиянием социальных функций, которые он призван выполнять, знак ограничивает свой произвольный характер определенной сферой функционирования (географической, диалектной, социальной, стилистической и т. п.), подвергается сознательному воздействию со стороны носителей языка (литературная обработка, нормирование и т. п.).

Произвольность знака можно усмотреть в том, что основным законом его существования является традиция. Каждое поколение принимает язык как эстафету от предшествующего поколения, не имея возможности никакого выбора, и также по традиции передает языковое наследство следующему за ним поколению.

В связи с этим основным законом функционирования знака является то, что последний сопротивляется изменениям, эволюционируя очень медленно, в силу чего в языке откладываются архаизмы, наличествует большое число алогизмов, не объяснимых зачастую ни логикой системной организации, ни логикой обозначаемых знаками вещей и явлений объективного мира. Структурная и семантическая мотивированность языковых знаков со временем стирается, знак же продолжает функционировать как в полной мере произвольный. Не случайно наряду с понятием «система» существует понятие «узус».

Произвольность знака сказывается и в том, что не только индивид, но вся языковая общность не в силах управлять законами функционирования знаков. Сознательная регламентация человеком языковых знаков очень ограничена, она ничтожна по сравнению с их внутриструктурной и чисто традиционной предписанностью. Это не исключает, а наоборот, предполагает такие периоды в истории развития конкретных языков, когда язык подвергается сильной регламентации, сознательному воздействию говорящего на языке коллектива (см. гл. «Норма»).

Наконец, произвольность знаков усматривают в их генезисе, т. е. стихийности их возникновения.

Итак, произвольность и мотивированность языкового знака являются основными координатами существования и движения знаков как в синхронном, так и в историческом аспектах.

ОСОБЕННОСТИ СЛОВЕСНОГО ЗНАКА

При определении знаковой сущности слова необходимо принимать во внимание ту прочную и неразрывную связь между внешней (звуковой) и внутренней (смысловой) сторонами, которая является определяющим моментом не только для существования и функционирования самого словесного знака, но также необходима для возникновения и закрепления в языке его новых значений. Несмотря на прочное единство формального и содержательного в слове, между его внешней и внутренней сторонами нет полного параллелизма, т. е. однозначного соответствия одного другому; кроме того, это единство не абсолютно, а относительно, т. е. может быть нарушено.

Особенностью словесного знака, в отличие от предложений и словосочетаний, является то, что одна знаковая форма (звуковая или графическая последовательность) способна вместить в себя целый ряд означаемых. Словесный знак в системе номинаций, в парадигматике, где одному означаемому соответствует несколько означаемых (наименьших значимых элементов) резко отличается от реализованного словесного знака, где одному означаемому, как правило, соответствует одно означаемое. В тоже время предложения, если считать их знаками, как правило, однозначны.

Словоизменяемые морфемы, совмещающие в себе несколько грамматических значений (семантических минимумов), так же полисемны, как и слова. Например, морфема *-s* в системе английского глагола выражает одновременно 3 л. ед. ч. наст. вр. изъявит. накл.; полнозначный словесный знак *to break* означает в системе английской лексики 1) 'ломать', 2) 'разрывать', 3) 'нарушать' 4) 'прерывать', 5) 'ослабевать', 6) 'ломаться', 7) 'начинаться', 8) 'ворваться', 9) 'разразиться'.

Однако между полисемией формальных и предметных морфем имеется большое различие. Полисемантизм формальных морфем присущ им

одинаково как в парадигматике, так и в синтагматике, в то время как полисемия словесных знаков свойственна им только в системе номинаций. Линейный, синтагматический ряд слов снимает многозначность словесного знака, присущую ему в системе языка; семантически реализованное слово всегда однозначно, за исключением образной речи. В первом случае следует говорить поэтому о синкритизме формальных морфем, в отношении словесного знака — о двух его модификациях: виртуальной и актуальной.

Понятие виртуального и актуального в языке идет от Гуссерля, который подводил под «виртуальное» чисто логическое, постоянное, по сравнению с «актуальным», изменчивым в языке. Язык движется между двумя полюсами,— писал С. О. Карцевский, — которые можно определить как общее и отдельное (индивидуальное), абстрактное и конкретное, поэтому языковые значимости имеют непременно виртуальный, следовательно, общий характер, для того чтобы язык оставался независимым от индивидов. Проф. С. Ульман относит понятие «виртуального» и «актуального» только к форме знака (*signifiant*) к двум его аспектам; виртуальный как хранящийся в виде отпечатка (*engram*) в системе языка, и акустический — когда знак реализован в речи. А. А. Леонтьев относит понятия «виртуального» и «актуального» аспекта в знаке как раз к его содержанию: «Виртуальный знак — это известные особенности деятельности, отвлеченные от конкретных знаковых операций и атрибутированные соответствующему материальному объекту, т. е. закрепленные в знаковой форме; это элемент конкретной знаковой операции». В значении словесного знака, в обобщении, как оно выступает в слове, выражена как чувственная сторона мышления, так и действенная его сторона, возникающая из общения человека с другими людьми.

Словесный знак виртуально должен быть автоматизированным знаком и застывшим с точки зрения функции и структуры. Эти особые свойства словесного знака, только ему одному присущие, проистекают из самой сущности языка и сводятся к тому, что слово способно обобщенно выражать идею, дифференцируя или отождествляя понятие, мысль, и в то же самое время служить средством общения, неся в каждом акте речи конкретную информацию. Словесный знак по своей природе двойствен, с одной стороны, он связан с механизмом обобщения, отражая в той или иной форме и мере степени абстрагированного познания явлений и предметов реального мира, с другой — он связан с формированием мыслей и выражением различных интенций говорящего и слушающего в процессе общения. Это превращает его в знак особого типа.

Слово в ряду других знаков языка является основным, потому что оно имеет семиологическую ценность в нескольких планах, слово обобщает (сигнификативная функция), дает наименование, обозначает (номинативная функция), слово сообщает (выполняет коммуникативную функцию) и выражает определенное чувство, переживание говорящего, слушающего (прагматическая функция). Об этих

свойствах словесного знака С. О. Карцевский писал в свое время следующее: «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну Функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может изменяться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе». Что же составляет в словесном знаке то устойчивое, которое позволяет ему оставаться тождественным самому себе как в синхронном, так подчас и в историческом планах. В словесном знаке, прежде всего, выделяется как некое постоянное, общее — форма знака, последовательность звуков или графем (звуковой или графический образ слова). Нужно отметить, что эта материальная опора словесного знака, сугубо своеобразная по сравнению с другими знаками, выступает в качестве того постоянного и устойчивого, что сохраняет его материальное тождество.

Другой особенностью формы словесного знака, в какой-то степени прямо противоположной первой, является то, что она полностью сливается со значением знака (так называемая «прозрачность для значения»), поэтому человек, воспринимающий словесный знак, не обращает никакого внимания на его материальную сторону.

Вопрос об общем и отдельном, о постоянном и переменном в словесном знаке сопрягается с проблемой разграничения языка как системы общих, потенциальных средств и речи как реализация этих системных возможностей.

Чем создаются у словесного знака системные смысловые потенции, реализуемые в речи? Прежде всего, словесный (полнозначный) знак всегда относится не к одному какому-нибудь отдельному предмету, явлению, а к целому классу или к группе ему подобных предметов. Поэтому любое референтное (предметное) значение слова с точки зрения психологии и результата его образования есть обобщение и представляет собой имя, название класса предметов.

Отношение между понятием, передаваемым данным словесным знаком, и предметом, им обозначаемым, таково, что понятие ложится в основу содержательной характеристики наименования предметов, а имя, соответственно, называет это понятие, т. е. сумму отличительных признаков этих предметов, общих для класса. Так, в знаковом значении русск. слова *стол* можно выделить два уровня обобщений, что ставит его в определенную субординацию отношений с другими словесными знаками: 1) общие признаки, различающие данный класс предметов от другого класса — *стол* : *кровать*, *стол* : *стул*, *стол* : *шкаф* и т. п. 2) общие признаки, объединяющие данный класс с другими — *стол* : *мебель*. В первом случае имеем противопоставительные отношения, во втором — гипонимичные, т. е.

инклюзивные, благодаря которым происходит включение более низкого класса в более высокий класс классов — категорию; что же касается различных видов «предметов», то они выражаются уже не парадигматическими (противопоставительными) отношениями знаков, а путем контрастирующих отношений, осуществляемых в синтагматическом ряду; *обеденный стол, письменный стол* — 'мебель' : *адресный стол, паспортный стол* — 'учреждение' : *диетический стол* — 'пища'. В тех случаях (например, в группе имен нарицательных), когда между понятийной и предметной отнесенностью знака имеется совпадение, равное тому, которое существует между содержанием и объемом понятия, словесный знак является названием целого класса конкретных предметов (подводимых под данное содержание) и выражает конкретное (полное, содержательное) понятие класса предметов, подпадающих под его объем. В тех случаях, когда понятийная отнесенность превалирует над предметной, словесный знак служит названием общего понятия типа «движение», «отношение»; тогда названия конкретных действий, состояний обозначены в языке другими словесными знаками, ср.: *движение* — *ходьба, бег, езда* и т. п. Наконец, в случае так называемой специализированной, узкой по своему понятийному содержанию лексики и особенно в именах собственных, предметная отнесенность доминирует над понятийной стороной знака, поэтому последний служит специализированным названием предмета, процесса, явления.

Возвращаясь к вопросу о том, что сохраняет смысловое тождество словесного знака, необходимо отметить, что с точки зрения языковых средств то или другое обобщение получает определенное языковое выражение, упорядоченность и определенную взаимосвязь с содержанием других словесных знаков. Устойчивым, кроме формы знака и его номинативной функции, является также то, что обобщение получает соответствующую языковую форму выражения; в зависимости от того, является ли обобщаемое «предметом», «процессом» или «признаком», форма слова соответственно отражает это общекатегориальное семантическое значение и словесный знак получает отнесенность к определенной части речи. Правда, это выдерживается не всегда и не всеми языками, однако в подавляющем большинстве языков это различие находит формальное выражение. Далее в пределах того или другого лексико-грамматического класса слов (части речи) содержание словесного знака дифференцируется в зависимости от семантических свойств. По линии этого содержания данный словесный знак выстраивается во второй ряд зависимостей — в парадигматические связи, в соответствующие семантические подклассы слов — 'одушевленные — неодушевленные предметы' и т. п. Наконец, по характеру конкретного лексического содержания слово входит в несколько парадигматических рядов — синонимические ряды, лексико-семантические группы, словообразовательные ряды, семантические поля и т. п. Эти три вида зависимости, своеобразная иерархия смыслового содержания слова, не могут

не способствовать сохранению семантического и формального тождества словесного знака.

Как историческое, так и синхронное тождество слова, наличие виртуального и актуального в словесном знаке является не просто научной фикцией, а его реальной формой существования в языковой системе и непременным условием функционирования в речи. Игнорирование этой двойной жизни словесного знака, двусторонней его природы приводит к двум крайностям: 1) к изучению лексики как системы вокабул, 2) к изучению только комбинаторики, синтагматики словесных знаков.

Сторонники первой точки зрения сводят значение слова к статически закрепленным за данным звуковым комплексом неизменяемым концептам (*significatum*) или прямым соотносительным связям с внешним миром и «опытом» (*designatum*). Гипертрофируя номинативную функцию знаков, сущность смысловых изменений слов усматривают исключительно в сдвиге наименований. В исследованиях подобного рода рассмотрению подлежит лишь предметная и понятийная соотнесенность словесного знака, его качественная сторона; количественная же сторона, так называемое «семантическое распространение полисемантического слова», актуализация виртуального словесного знака в линейном ряду, в речи полностью игнорируется.

Приверженцы второй точки зрения, наоборот, считают, что лексическое значение слова в системе — фикция и сводят сущность знака к его употреблению, к комбинаторике словесного знака в синтагматическом ряду, подменив изучение его значения определением шкалы дистрибуций, сбросив со счетов парадигматические связи слов, их системное значение. Значение сводится к дистрибуции, но как в случае с разными фонемами, имеющими одинаковую дистрибуцию, так и в лексике, разные значения, разные лексические единицы могут иметь и имеют одинаковую дистрибуцию.

Несмотря на различие в интерпретации значения словесного знака, почти во всех научных направлениях делалась попытка выделить в нем «постоянные» и «переменные» элементы, установить сферу устойчивого и изменчивого в словесном знаке. Так, в традиционной семасиологии это различие в лексическом содержании слова подавалось в виде противопоставлений: узуального и окказионального (Г. Пауль), прямого и переносного (Г. Стерн), ближнего и дальнего (А. Потебня), значений и употреблений слова (В. В. Виноградов); в функциональной лингвистике в виде «первичной и вторичной семантических функций слова» (Е. Курилович), «знаков языка» и «знаков речи» (Ф. Микуш), «адекватной и случайной ценности знака» (С. О. Карцевский), «прямой и смещенной речи» (Л. Блумфилд) и др.

Неоднозначное соответствие формы словесного знака и его содержания было сформулировано в виде принципа «асимметричного дуализма» С. О.

Карцевским, который подошел к определению семиологических свойств языковых знаков несколько с иной стороны, нежели Ф. де Соссюр.

Первой и необходимой особенностью знака, особенностью, раскрытой С. О. Карцевским главным образом применительно к слову, является то, что он не может не носить дифференциального характера, в противном случае словесный знак превратился бы в простой сигнал. Сущность семиологической значимости слова состоит не только в дифференциации, но и в отождествлении. Словесный знак, будучи образован скрещением этих двух мыслительных рядов (отождествления и дифференциации), может быть отождествлен или дифференцирован как по своей форме, так и по содержанию. Возможность отождествления словесных знаков то по их форме, то по их содержанию приводит к тому, что каждый словесный знак является потенциально омонимом и синонимом одновременно.

Каждый полнозначный словесный знак (имена нарицательные), подобно атому, несет в себе два заряда: положительный (отождествляющий, общий) и отрицательный (дифференцирующий, различный). Поэтому словесный знак, как, впрочем, и любой другой знак, из указанного класса знаков может быть одновременно отождествлен с другими знаками и быть от них непременно в чем-то отличным. При новой номинации, т. е. при любом вхождении знака в парадигматический ряд или при сочетании словесных знаков в синтагматическом плане новое включается как «новой род старого вида». В силу этого основным принципом структурной организации системы номинаций являются два противоположных, но всеобщих принципа: 1) принцип включения словесных знаков по их смысловому содержанию при парадигматических отношениях; 2) принцип семантической (смысловой) совместимости в линейном ряду.

Таким образом, словесным знакам свойственна двойная структурная организация — парадигматические (оппозиционные) отношения, обеспечивающие номинативно-классификационную деятельность языка, и синтагматические (контрастирующие) связи, удовлетворяющие потребностям его синтагматической деятельности. Соответственно каждому словесному знаку присуща как номинативная ценность — способность называть, обозначать предметы, явления, их свойства и действия, так и синтагматическая валентность — способность в силу своей семантики вступать в разные лексические связи в синтагматическом ряду. В языке словесные знаки в зависимости от соотношения этих двух функций могут быть разделены на полнозначные (полные знаки), обладающие как номинативной, так и синтагматической ценностью (имена нарицательные), и семантически неполнозначные (имена собственные), у которых номинативная ценность является преобладающей; к особому классу словесных знаков можно отнести так называемые дейктические слова — заместители полных словесных знаков: личные, указательные местоимения, наречия места, времени, обозначающие координаты речевого акта, семантика которых полностью раскрывается в

синтагматическом ряду. Кроме того, в языке есть словесные знаки, не обладающие номинативной ценностью, а всецело выполняющие синтагматическую функцию в языке — союзы, связки, предлоги. Интересно отметить, что даже в классе полнзначных слов, обладающих как номинативной, так и синтагматической ценностями, их соотношение различно. Так, в именных лексемах, выражающих в основном понятие предметности, номинативная ценность превалирует над синтагматической, поэтому в содержание именных лексем входят такие признаки семантических разрядов и категорий слов, как 'одушевленность — неодушевленность', 'исчисляемость — неисчисляемость', 'лицо — нелицо' и т. п. В семантике глагольных лексем, в самом лексическом значении отражены двусторонние или трехсторонние отношения: действия к его агенту, действия к объекту или к тому и другому одновременно.

Итак, словесный знак резко противостоит другим языковым знакам по характеру своего знакового значения, последнее складывается из семантических признаков разной степени обобщенности.

В содержании словесного знака можно строго разграничить: конкретное содержание, свойственное индивидуальному знаку, категориально-семантическое содержание, присущее семантическим категориям слов, и грамматическое, свойственное самым крупным в языке классам слов. Соответственно полнзначный словесный знак выстраивается в три ряда семантических отношений — лексические парадигмы, семантические категории и лексико-грамматические разряды слов — части речи. Лексическая абстракция, в отличие от грамматической, носит ступенчатый характер, складывается из нескольких рядов признаков, различных по степени своей обобщенности.

При этом каждая из ступеней абстракции имеет подчиненную связь с вышестоящей и подчиняющую — с нижестоящей: целое составляет путем включения нижестоящей в вышестоящую ступень абстракции. Например, в значение англ. *man* 'мужчина' входят семы 'предметность', 'одушевленность', 'лицо', 'мужской пол'; означаемое словесного знака *man* может быть определено следующим образом: 'предмет, одушевленный, относящийся к человеческому роду, мужского пола, взрослый'.

Специфика полнзначного словесного знака заключается в характере его означаемого, включающего в себя собственное значение знака, обозначение и значимость в парадигматике, собственное значение и смысл («семантическое приращение» в синтагматике).

Итак, естественный язык как особая органически целостная семиотическая система обладает большим своеобразием. Специфика языковых знаков создается прежде всего тем, что естественный язык служит средством познания объективного мира и организации речемыслительной деятельности человека. Языковые знаки, обладающие основными семиологическими функциями обобщения, различения, интеграции и дифференциации, обеспечивают номинативно-классификационную

деятельность языка. Знаки любой другой семиотической системы не имеют функции обобщения и интеграции, не обладают номинативной функцией.

Способность языкового знака совмещать в себе как дифференцирующие, так и интегрирующие семиологические функции (так называемые полные знаки), свойство знаков вступать друг с другом в смысловые связи в линейном ряду создает возможность порождения бесконечного числа новых знаков и новых семантических значимостей — свойство, присущее исключительно естественному языку или построенным на его основе символическим языкам наук. Это свойство языковых знаков обеспечивает синтагматическую деятельность языка.

В основу определения типов языковых знаков, очевидно, может быть положен характер семиологических функций знака, обуславливающий, в свою очередь, тип означаемого, знакового значения. Могут быть выделены:

а) языковые знаки, которым в большей мере свойственна дифференцирующая функция, например, фонемы;

б) языковые знаки, в которых отождествляющая функция превалирует над дифференцирующей — грамматические морфемы и модели синтаксических и семантических связей языковых единиц;

в) языковые знаки, которым присущи как дифференцирующая, так и обобщающая функции, так называемые полные знаки (собственно знаки) — слова, словосочетания, предложения.

Помимо функциональных отличий языковых знаков, семиотической системе естественного языка, глобальной по своей сущности, присуща особая структурная организация;

а) двойное членение языка, создающее основное своеобразие структурной организации языковых знаков;

б) двойная структурная организация языковых элементов — парадигматические смысловые отношения знаков и их синтагматические семантические связи;

в) наличие «словаря» и «грамматики» в системе языка.